

Перед ним выросла классическая киношная покойница — длинное черное платье, темные волосы, свисающие на лицо. Ся Лан истошно завопил. Но «призрак» испугался не меньше: девица отшатнулась на пару шагов и завизжала в ответ так, что заложило уши.

Оглушительный крик окончательно сбил Ся Лана с толку. Он замолчал, растерянно моргая и разглядывая незваную гостью.

А потом до него наконец дошло.

—... Сестра?

«Призрак» замер и непонимающе воззрился на него. Некоторое время они молча и недоуменно разглядывали друг друга, пока девушка наконец не вздохнула, не повернулась и не щелкнула выключателем. В комнате вспыхнул свет. Она снова посмотрела на съежившегося в углу у кровати паренька:

— Ся Лан?

Парень узнал ее. Это была та самая девушка, которая во время вечеринки в честь дня рождения закрыла ладонями глаза Линь На. По сценарию она приходилась ему старшей сестрой. С облегчением он попытался подняться, но затекшие ноги подкосились, и Ся Лан неловко полетел носом в пол.

Падение вышло настолько нелепым, что Дуань Мяомяо не выдержала и приснула:

— Ты полежи пока, приди в себя.

Смутившись, парень кое-как оперся о край кровати и присел на корточки, растирая задеревеневшие мышцы.

— Ты...

— Я Дуань Мяомяо, — улыбнулась она. — Старше тебя лет на семь-восемь, так что зови меня просто сестрой Мяомяо.

— Сестра Мяомяо, — Ся Лан опасливо скользнул взглядом к окну. — А как ты здесь...

Тут уж пришел черед смущаться самой Мяомяо. Она неловко одернула ночную рубашку и развела руками:

— Ну, если честно, я вообще решила, что попала в рай. Я ведь отчетливо помню, как меня

убили.

Ся Лан опешил.

Решив, что напугала его еще сильнее, Дуань Мяомяо замахала руками, пытаясь успокоить:

— Да может, это просто кошмар дурной приснился! Гляди, я ведь тут, живая и здоровая. И теплая, и кровь во мне течет.

— Просто когда я очнулась, то поверить не могла своим глазам. Вскочила в коридор, давай стучаться ко всем подряд, но никто не открывал... — Она неловко отвела взгляд. — Правда, я не все двери обошла. Знать бы, что ты здесь, сразу бы к тебе ломанулась.

— А раз никто не отвечал, я перепугалась. Подумала, вдруг и правда умерла, а бог приготовил этот рай лично для меня, чтобы я потихоньку привыкала к одиночеству. — Девушка явно устыдилась собственной фантазии, но честно продолжила: — Но сдаваться не хотелось. Вот я и выбралась на улицу, решила заглянуть в окна, проверить, есть ли кто живой.

— И залезла к тебе... Благо ты единственный, у кого окно было распахнуто.

Ся Лан слушал ее, чувствуя, как окончательно закипает мозг. Он перевел взгляд на белую занавеску, лениво колыхавшуюся на ветру. Получается, всю ночь его до усрачки пугала обычная штора?

Но тут его мысли переключились на другое.

— Вообще-то... — Ся Лан нервно сглотнул. — У меня уже два ООС-предупреждения.

Дуань Мяомяо захлопала глазами, и на ее лице отразился испуг:

— Значит... я все-таки мертва? И это рай?

— Нет, — отрезал Ся Лан. В одном он был уверен на сто процентов: раем тут и не пахло. Будь он мертв, его бы прямиком в ад упекли.

Дуань Мяомяо глубоко вздохнула и решительно подвязала подол ночнушки узлом:

— Давай найдем какой-нибудь молоток и проверим остальные комнаты?

Двери заперты, но стекла-то разбить можно.

Ся Лан кивнул. Ноги наконец отошли, и он поднялся. Перед тем как выйти, он на секунду помедлил, подошел к письменному столу и достал из ящика дневник.

Дуань Мяомяо с любопытством заглянула через плечо:

— Улика? Я про свою роль почти ничего не знаю. Известно только, что прилежная ученица и терпеть не могу эту Линь На.

Ся Лан поджал губы и опустил глаза:

— Нет, не улика. Так, чей-то паршивый быт.

Мяомяо опешила. Она удивленно посмотрела на парня — услышать от него такую резкость было крайне неожиданно.

Когда они с Линь Е наблюдали за трансляцией на Центральной площади, она успела заметить, что характер у Ся Лана довольно противоречивый. В минуты затишья он казался робким, мягким и пугливым, но в целом вполне добродушным.

А сейчас, когда им ничто напрямую не угрожало, он вдруг выдал подобное.

— И что же она сделала? — Что такого могла совершить сестра Линь На, чтобы довести даже покладистого Ся Лана до отвращения?

Но Ся Лан промолчал. Он лишь угрюмо разглядывал дневник, и на его лице читалась глубокая брезгливость.

Поняв, что ответа не добьется, Мяомяо попыталась его приободрить:

— Да не бери в голову... Помни, это всего лишь игровые настройки.

Ся Лан долго молчал, а затем, не поднимая головы, глухо произнес:

— Пошли в соседнюю комнату.

Он проигнорировал ее слова. Отмахнуться и забыть он не мог.

Этот раунд вызывал у него глубокое омерзение. Заставить человека, который сам прошел через ад школьной травли, примерить шкуру мучителя... Это было изощренным издевательством.

Голосование завершилось, и Система объявила о возвращении к ролям. В ту же секунду на Лэй Цзин рухнула тяжелая потолочная люстра, разmozжив ей голову. Поскольку все сидели вплотную друг к другу, кровью забрызгало почти всех.

Исключением стал лишь Ло Ижань.

Линь Ло среагировал мгновенно, полностью войдя в образ — он прикрыл куклу собой, приняв на себя багровые брызги.

Марионетка подняла голову, глядя на испачканное лицо парня. Вообще-то Ло Ижаню было плевать на его сохранность, но роль требовала ответных действий, и он потянулся к нему руками.

Линь Ло послушно наклонился.

Ижань небрежно стер кровь с его щеки своим рукавом, а сам краем глаза косился на труп Лэй Цзин. В груди шевельнулось нехорошее предчувствие. Смерть женщины казалась слишком нелепой, словно дешевый фарс.

Остальные игроки застыли в шоке. Зрелище действительно было жутким: белое месиво мозгов, смешанное с алой кровью, залило весь стол, а обезглавленное тело Лэй Цзин так и осталось сидеть на стуле.

Оцепенение длилось недолго — вскоре гостиная взорвалась воплями и криками. Началось великое актерское побоище.

Бездарное, надо признать.

Но деваться было некуда, приходилось импровизировать. К счастью, предупреждений об ООС больше не прилетало — похоже, Система временно ослабила хватку.

Ло Ижань послушал этот нестройный хор испуганных голосов, прикинул варианты и убрал руку от лица Линь Ло.

На лице того отразилась искренняя обида.

Ло Ижань решил поддержать общую панику. Он состроил жалобную мину и запричитал дрожащим, готовым сорваться на плач голоском:

— Линь Ло, мне так страшно...

Вэйя, который в этот момент старательно изображал рыдания на плече Ли Цифэна, аж икнул от неожиданности.

«Марионетка в таком амплуа пугает гораздо сильнее любого трупа», — пронеслась в головах игроков общая мысль.

Иллюзионист тоже на мгновение растерялся. Его пальцы непроизвольно дрогнули, а на лице на миг промелькнуло сложное, почти хищное выражение. Он понимал, что это игра, чистой воды притворство, но... боже, как бы ему хотелось, чтобы эти слезы были настоящими.

Линь Ло осторожно приобнял Ло Ижання, его пальцы едва касались спины куклы.

— Если страшно — поплачь, станет легче, — негромко и ласково прошептал он.

Какая трогательная забота.

Ло Ижань на мгновение замер, а затем уткнулся лицом в его теплую ладонь. Его плечи мелко задрожали.

Эту пантомиму можно было списать и на страх, и на безмолвную истерику.

Вот только ладонь Линь Ло оставалась сухой.

«Он не плачет», — Иллюзионист внутренне вздохнул от разочарования.

Ло Ижань чувствовал лицом тепло чужой кожи и оставался абсолютно спокоен. С чего бы кукле плакать? В его теле попросту нет влаги.

Покричав для приличия в гостиной, игроки поспешили разойтись по своим комнатам. Солнце уже клонилось к закату. До конца дня оставалось не больше десяти часов — время летело с пугающей скоростью, и никто из них даже не вспомнил про голод.

Кое-кто почуял неладное и сверил время на телефоне с настенными часами.

Ло Ижань промолчал. Линь Ло, стоило им вернуться в образ, снова превратился в надменного молодого господина. Проигнорировав «родителей», он увел Ижання в спальню.

Ижань понимал, что Иллюзионист знает гораздо больше остальных. Он бросил быстрый взгляд на Ли Цифэна, Вэйю и Линь Е. Отношения Линь Ло с семьей были, мягко говоря, натянутыми...

Может, дело в его ориентации?

В комнате Линь Ло бережно усадил куклу на письменный стол, прямо рядом с рюкзаком. Ло Ижань уже собирался как-нибудь спровадить парня, чтобы остаться одному, но тот сам проявил инициативу:

— Я в уборную.

Марионетка застыл.

«Иллюзионист намеренно освобождает мне пространство».

Ижань не стал раздумывать над мотивами этого безумца — его настроение менялось по сто раз на дню. Как только за Линь Ло закрылась дверь, кукла быстро вытащила из рюкзака то самое любовное письмо и развернула его.

На красном листке бумаги красовались два размашистых, уродливых слова: «Грязная шлюха».

Ло Ижань изогнул бровь.

«Надо же, значит, я все-таки не крутил роман на два фронта», — подумал он.

В этот момент дверь ванной распахнулась, и в комнату вернулся Линь Ло. Его дежурная улыбка мгновенно погасла, стоило ему заметить в руках куклы зловещее послание.

Грубое ругательство так и бросалось в глаза.

Ло Ижань мысленно выругался. Какое там «освободил пространство»? Этот чертов Иллюзионист нарочно ушел, чтобы поймать его с поличным.

— Жань-жань, это для Линь На? — Линь Ло подошел ближе и уставился на стол, где лежал конверт. Имя сводной сестры на углу бумажного пакета заставило его лицо потемнеть еще сильнее.

«Итак, как должна реагировать влюбленная парочка в такой ситуации?» — Ижань лихорадочно соображал. По сюжету он ненавидит сестру своего парня, отправляет ей грязные оскорбления, и парень ловит его на горячем. Что делать?

Обдумав роль за пару секунд, он напустил на себя суровый вид и с вызовом бросил:

— Ну и что с того? Да, это я написал!

Если Линь Ло терпеть не может Линь На, то Ло Ижань, как его партнер, наверняка об этом знал. К тому же кто-то застукал их во время поцелуя — и этим кем-то с огромной вероятностью была именно его сводная сестра. Значит, мотив у Ижана имелся, и косвенно он был связан с самим Линь Ло.

Раз его застукали, лучшая защита — это нападение.

Прошло несколько секунд, но предупреждения от Системы об ООС не последовало. Сыграно верно.

Линь Ло нахмурился и аккуратно забрал письмо из деревянных пальцев куклы:

— Тебе не следовало в это ввязываться.

Он аккуратно сложил листок и спрятал в карман брюк.

— Я и сам терпеть не мог Линь На еще до того, как мы сошлись. Ты слишком много думаешь о ней. Я вечно боялся, что она тебе нравится.

— Но теперь вижу, что ты ее ненавидишь, — парень опустился перед куклой на одно колено, глядя на нее с бесконечной нежностью. — Но грязную работу предоставь мне. Не хочу, чтобы ты марал руки.

Ло Ижань прищурился:

— Ты ненавидишь ее сильнее, чем я думал.

Линь Ло холодно усмехнулся:

— Она всего лишь приبلуда, незаконнорожденная девка. С какой стати нам ее любить? Вечно ходит с таким видом, будто ей на все плевать... Если ей действительно плевать, незачем было сюда возвращаться.

Внебрачная дочь. Вот оно что. Это объясняло отношение всей семьи к Линь На.

Ло Ижань мельком глянул на экран телефона — шесть вечера.

Он удивленно приподнял бровь. Время не просто шло быстрее — целые куски дня словно вырезали безжалостными ножницами.

Будто в кино, откуда монтажер убрал все скучные и ненужные сцены.

Но на этот раз хронометраж сократили слишком радикально. Наверняка это заметили многие.

Еще во время полуденного голосования Ижань пытался это проверить. Когда он объявил, что пора голосовать, час с момента запуска таймера еще точно не прошел. Но Система послушно запустила процесс, стоило ему заговорить, а остальным — промолчать.

«...»

«С этой комнатой явно было что-то не так», — Ло Ижань поднял голову. Какая-то деталь нарушала общую гармонию, казалась чужеродной.

Это было чисто интуитивное ощущение — предчувствие, что в следующую секунду случится нечто непоправимое.

Линь Ло повел пальцами, словно настраивая невидимые нити, и резко повернулся к окну.

Ло Ижань проследил за его взглядом. Оконное стекло беззвучно пошло мелкой паутиной трещин, будто снаружи в него прилетел невидимый снаряд.

Линь Ло среагировал мгновенно — схватил куклу и отпрянул к двери.

Стекло с тихим шорохом осыпалось внутрь комнаты. Осколки разлетелись по полу, но все произошло в абсолютной, звенящей тишине. Не было слышно ни звона бьющегося стекла, ни свиста ветра. Будто их разом лишили слуха.

Ижань хотел было спросить, слышит ли его напарник, как вдруг заметил на деревянном паркете тонкую, свежую щель, похожую на след от чьего-то когтя или лезвия.

Словно повинувшись единому порыву, марионетка и Иллюзионист одновременно вскинули головы к пустому оконному проему.

«Неужели кто-то проник внутрь?»

<http://bllate.org/book/19836/2238420>